

Оригинальная статья

УДК 159.9.072.52
doi: 10.11621/npj.2022.0106

Русскоязычная версия краткой шкалы резилентности: психометрический анализ на примере выборок студентов, многодетных родителей и родителей детей с инвалидностью

В.И. Маркова¹, Л.А. Александрова², А.А. Золотарева^{3*}^{1,3} Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Москва, Россия,¹ marvik.voice@mail.ru, <http://orcid.org/0000-0001-6612-0556>² Московский государственный психолого-педагогический университет, Москва, Россия,ladaleksandrova@mail.ru, <http://orcid.org/0000-0003-3539-8058>³ azolotareva@hse.ru, <http://orcid.org/0000-0002-5724-2882>

*Автор, ответственный за переписку: azolotareva@hse.ru

Актуальность. Краткая шкала резилентности (Brief Resilience Scale, BRS) Б. Смита и его коллег является одним из наиболее психометрически обоснованных инструментов для оценки резилентности во всем мире (Windle et al., 2011).

Цель. Целью настоящего исследования стала адаптация русскоязычной версии BRS.

Описание хода исследования. Психометрические показатели русскоязычной версии BRS были проанализированы на материалах серии исследований с участием 696 респондентов, в том числе родителей детей с инвалидностью, многодетных родителей и студентов высших и средне-специальных учебных заведений.

Результаты исследования. Внутренняя надежность русскоязычной версии BRS была установлена с помощью коэффициентов α -Кронбаха, значения которых превысили показатели 0,8 на всех выборках исследования. Адаптированная шкала продемонстрировала соответствие оригинальной факторной структуре BRS, содержащей прямые и обратные тестовые пункты, что свидетельствует в пользу ее факторной валидности. Корреляционные связи между показателями резилентности и феноменологически схожими феноменами (в частности, жизнестойкости, диспозиционального оптимизма, самоуважения, общей самооффективности, субъективной витальности, удовлетворенности жизнью и др.) подтвердили конвергентную валидность русскоязычной версии шкалы. Кроме того, родители детей с инвалидностью сообщали о более низкой резилентности, чем многодетные родители, хотя и статистически не отличающейся от аналогичных показателей у студентов высших и средне-специальных заведений.

Выводы. В заключении делается вывод о том, что русскоязычная версия BRS надежна, валидна и может быть рекомендована к использованию для диагностики резилентности у русскоязычных респондентов.

Ключевые слова: BRS, резилентность, многодетные родители, родители детей с инвалидностью, студенты.

Информация о финансировании. Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 19-013-00904 «Развитие личности студентов с инвалидностью в условиях инклюзивного дистанционного обучения».

Для цитирования: Маркова В.И., Александрова Л.А., Золотарева А.А. Русскоязычная версия краткой шкалы резилентности: психометрический анализ на примере выборок студентов, многодетных родителей и родителей детей с инвалидностью // Национальный психологический журнал. 2022. № 1 (45). С. 65–75. doi: 10.11621/npj.2022.0106

The Russian version of the Brief Resilience Scale: The psychometric analysis on the example of samples of students, parents with many children and parents of disabled children

Victoria I. Markova¹, Lada A. Aleksandrova², Alena A. Zolotareva^{3*}

^{1,3} National Research University Higher School of Economics, Moscow, Russia

¹ marvik.voice@mail.ru, <http://orcid.org/0000-0001-6612-0556>

² Moscow State University of Psychology and Education, Moscow, Russia,
ladaleksandrova@mail.ru, <http://orcid.org/0000-0003-3539-8058>

³ azolotareva@hse.ru, <http://orcid.org/0000-0002-5724-2882>

*Corresponding author: azolotareva@hse.ru

Background. B. Smith's Brief Resilience Scale (BRS) is one of the most psychometrically sound instruments for assessing resilience worldwide (Windle et al., 2011).

Objective. The aim of this study was to adapt the Russian version of the BRS.

Design. Psychometric properties of the Russian BRS were analyzed on the materials of a series of studies involving 696 respondents, including parents of disabled children, parents with many children, and students of higher and secondary specialized educational institutions.

Findings. The internal reliability of the Russian BRS was examined using the α -Cronbach coefficients, the values of which exceeded 0.8 in all study samples. The adapted scale demonstrated compliance with the original BRS factor structure containing direct and inverted test items, which provided the factor validity. Correlations between resilience and phenomenologically similar phenomena (hardiness, dispositional optimism, self-esteem, general self-efficacy, subjective vitality, life satisfaction, etc.) confirmed the convergent validity of the Russian BRS. In addition, parents of children with disabilities reported lower resilience than parents having many children, although statistically the results were not different from similar scores for students of higher and secondary specialized institutions.

Conclusion. Russian version of BRS is reliable, valid and can be recommended for use for the assessment of resilience in Russian-speaking respondents.

Keywords: BRS, resilience, parents having many children, parents of children with disabilities, college students.

Funding. The reported study was funded by RFBR, project number 19-013-00904 "Development of personality in students with disability in conditions of inclusive distance learning".

For citation: Markova, V.I., Aleksandrova, L.A., Zolotareva, A.A. (2022). Russian version of the Brief Resilience Scale: psychometric analysis for the samples of students, parents with many children and parents of disabled children [Natsional'nyy psikhologicheskii zhurnal], 1(45), 65–75. doi: 10.11621/npj.2022.0106

Введение

Термин «резилентность» (от лат. *resilire* — «прыгнуть обратно») был заимствован исследователями из физики твердых тел, где использовался для описания способности к восстановлению первоначальной формы физического тела после деформации, возникшей вследствие внешнего механического давления, и в настоящее время широко используется в медицинских, политических, экономических, технических и социальных науках.

Э. Вернер и Р. Смит, одни из ранних исследователей проблемы резилентности, определяют ее как «процесс успешной адаптации в неблагоприятных условиях, или способность быстрого восстановления после травмы, трагической ситуации, негативных воздействий или угрозы» (Werner, Smith, 1982, p. 24).

В психологии феномен резилентности имеет большое количество определений, фиксирующих способность к быстрому восстановлению душевных и физических сил, способность человека поддерживать психологическое равновесие в периоды потенциально опасных и сложных жизненных ситуаций, позитивную адаптацию к изменяющимся и непредвиденным обстоятельствам, а также широкий класс процессов совладания и защитных реакций в отношении неблагоприятных факторов окружающей среды (Селиванова и др., 2020).

Понятие резилентности (*resilience*) нередко отождествляют с понятием жизнестойкости (*hardiness*) в отечественной психологической литературе, хотя зарубежные специалисты определяют резилентность как психическую реакцию на различные жизненные невзгоды и фрустрирующие препятствия (Маркова, 2020), а жизнестойкость — как личностную черту и один из факторов, отвечающих за развитие и поддержание резилентности (Kunzler et al., 2018).

Современные исследователи утверждают, что резилентность тесно связана с физическим и психическим здоровьем: она предсказывает позитивное психическое здоровье (Wu et al., 2020), более высокие показатели психологического благополучия (Li, Hassan, 2020) и качества жизни, связанного со здоровьем (Mejia-Lancheros et al., 2021). Эти закономерности позволяют специалистам включать диагностику резилентности в скрининговые и мониторинговые программы, в частности, для людей с суицидальными намерениями (Sánchez-Teruel et al., 2021), онкологическими заболеваниями (Seiler, Jenewein, 2019), проходящими реабилитацию после физических травматических повреждений (Heathcote et al., 2019).

Согласно систематическому обзору диагностических шкал резилентности, одним из наиболее удобных и надежных инструментов является краткая шкала резилентности (Brief Resilience Scale, BRS), разработанная в начале 2000-х годов под руководством Б. Смита (Windle et al., 2011). Шкала адаптирована и успешно используется в клинических и популяционных исследованиях, проводимых в Бразилии (Coelho et al., 2016), Германии (Chmitorz et al., 2018), Испании

(Rodríguez-Rey et al., 2016), Китае (Lai, Yue, 2014), Нидерландах (Soer et al., 2019), Франции (Jacobs, Horsch, 2019), Мексике и Чили (Hidalgo-Rasmussen et al., 2021).

Несмотря на распространенность и психометрические достоинства BRS, шкала до сих пор не была переведена и адаптирована на русский язык. *Целью настоящего исследования* стал психометрический анализ русскоязычной версии шкалы на примере нескольких выборок (в частности, студентов, многодетных родителей и родителей детей с инвалидностью).

Методика

Участники исследования. В 2019–2020 гг. была проведена серия исследований с участием четырех выборок исследования, в общей сложности, состоящих из 696 респондентов, относящихся к одной из трех социальных групп: родители детей-инвалидов и молодых людей с инвалидностью, многодетные родители и студенты. Представители данных групп сталкиваются с необходимостью преодоления стресса, вызванного различными жизненными трудностями: родители детей с инвалидностью испытывают стрессовые нагрузки, связанные заболеванием ребенка, необходимостью перестроить свою жизнь, с неопределенностью, связанной с будущим ребенка и мн. др.; многодетные родители испытывают трудности, связанные с загруженностью, физической усталостью, отсутствием личного времени, с нехваткой материальных средств и жилищными проблемами и т.д.; студенческий возраст совпадает с переходным периодом из юношества во взрослость, личностным самоопределением, переживанием сепарации от родительской семьи, сопровождается стрессовыми нагрузками, связанными с учебой. В отдельных выборках представлены:

1. Родители, воспитывающие детей с инвалидностью ($n = 100$). В выборку вошли преимущественно матери ($n = 99\%$), средний возраст респондентов составил 42 года ($M = 42,31$; $SD = 6,72$). Среди инвалидизирующих заболеваний детей родителями были указаны детский церебральный паралич — (39%), расстройство аутистического спектра (44%), органическое поражение головного мозга (8%), синдром Дауна (4%), миелодисплазия (2%) и некоторые др. Сбор данных был проведен в апреле-мае 2019 года.

2. Родители детей с инвалидностью и молодых людей с инвалидностью ($n = 215$). В выборку вошли преимущественно матери (98%), средний возраст респондентов составил 41 год ($M = 41,75$; $SD = 6,06$). Среди инвалидизирующих заболеваний детей родителями были указаны детский церебральный паралич (34%), расстройства аутистического спектра (22%), умственная отсталость (13%), синдром Дауна (6%) и некоторые др. Сбор данных был проведен в сентябре-октябре 2020 года.

3. Многодетные родители ($n = 226$). В выборку вошли преимущественно матери (98%), средний возраст респондентов составил 39,5 лет ($M = 41,47$; $SD = 6,02$). Родители указали наличие трех (61%), четырех (26%), пятерых (6%), шестерых (4%), семерых и более детей

(6%). Сбор данных был проведен в сентябре-октябре 2020 года при поддержке РОО «Объединение многодетных семей города Москвы»

4. Студенты, обучающиеся в высших и средне-специальных учебных заведениях России (n = 155). Выборку составили студенты АНО ПО Колледжа КЭСИ (75%) и учащиеся таких высших учебных заведений, как МГУ, НИУ ВШЭ, МГИМО МИД России, МГППУ, РГГУ, АТиСО, ЮФУ ИИМО и АГУ (25%). Среди студентов были преимущественно девушки (67%), средний возраст респондентов составил 18 лет. Сбор данных был проведен в сентябре-октябре 2020 года при поддержке администрации АНО ПО Колледжа КЭСИ.

Анкета, созданная на платформе Google Forms, была распространена посредством мессенджеров и социальных сетей (Facebook, WhatsApp, ВКонтакте и т.д.).

Инструменты. Все участники исследования заполнили русскоязычную версию BRS, а также следующие диагностические инструменты:

1. Краткая версия теста жизнестойкости в модификации Е.Н. Осина и Е.И. Рассказовой оценивает ресурсы, позволяющие эффективно справляться со сложными и стрессовыми жизненными ситуациями (Осин, Рассказова, 2013).

2. Тест диспозиционного оптимизма М. Шейера и Ч. Карвера в адаптации Т.О. Гордеевой, О.А. Сычева и Е.Н. Осина диагностирует оптимизм и пессимизм как обобщенные ожидания относительно будущих событий (Гордеева и др., 2010).

3. Шкала самоуважения М. Розенберга в адаптации Д.В. Лубовского измеряет общую самооценку респондентом своих способностей и достижений (Лубовский, 2006).

Респонденты из некоторых выборок также заполнили дополнительные диагностические инструменты:

4. Шкала семейной адаптации и сплоченности Д.Х. Олсона, Дж. Портнера и И. Лави в адаптации М. Перре оценивает компоненты реальной семейной структуры (Абабков, Перре, 2004).

5. Опросник «Родительское выгорание» И.Н. Ефимовой диагностирует три базовых чувства родителя, связанные с заботой о ребенке: эмоциональное истощение, деперсонализацию и «редукцию родительских достижений» (Ефимова, 2013).

6. Тест экзаменационной тревожности Р. Элперта и Р. Хейбера измеряет полезную и тормозящую экзаменационную тревожность как тенденции, способствующие или препятствующие достижениям и успешности (Кондаков, 2003).

7. Шкала субъективной диспозиционной витальности Р. Райана и С. Фредерик в адаптации Л.А. Александровой оценивает осознанное переживание человеком своей наполненности энергией и жизнью (Александрова, 2014).

8. Шкала удовлетворенности жизнью Э. Динера в адаптации Е.Н. Осина и Д.А. Леонтьева диагностирует когнитивную оценку соответствия жизненных обстоятельств ожиданиям человека (Осин, Леонтьев, 2020).

9. Шкала общей самооффективности Р. Шварцера и М. Ерусалема в адаптации В.Г. Ромека измеряет веру человека в себя и в свой личностный и интеллектуальный потенциал, а также представления о собственной эффективности (Шварцер и др., 1996)

Результаты

Перевод. Первым шагом в адаптации русскоязычной версии BRS стал прямой перевод оригинальной шкалы на русский язык. В табл. 1 представлены пункты оригинальной и русскоязычной версий BRS.

Таблица 1. Перевод пунктов оригинальной версии BRS на русский язык

Оригинальная версия	Русскоязычная версия
1. I tend to bounce back quickly after hard times.	1. Я довольно быстро прихожу в себя после неудач и жизненных трудностей.
2. I have a hard time making it through stressful events.	2. Я тяжело переживаю стрессовые ситуации.
3. It does not take me long to recover from a stressful event.	3. Мне не нужно много времени, чтобы оправиться после стрессовой ситуации.
4. It is hard for me to snap back when something bad happens.	4. Я с трудом восстанавливаюсь, после того как случается что-то плохое.
5. I usually come through difficult times with little trouble.	5. Обычно я справляюсь с проблемными ситуациями без лишних переживаний.
6. I tend to take a long time to get over set-backs in my life.	6. Мне нужно много времени, чтобы вернуться в форму после серьезных жизненных неудач.

Примечание: Пункты 1, 3, 5 являются прямыми, пункты 2, 4, 6 — обратными.

Table 1. Translation of the original BRS items into Russian

Original version	Russian version
1. I tend to bounce back quickly after hard times.	1. Я довольно быстро прихожу в себя после неудач и жизненных трудностей.
2. I have a hard time making it through stressful events.	2. Я тяжело переживаю стрессовые ситуации.
3. It does not take me long to recover from a stressful event.	3. Мне не нужно много времени, чтобы оправиться после стрессовой ситуации.
4. It is hard for me to snap back when something bad happens.	4. Я с трудом восстанавливаюсь, после того как случается что-то плохое.
5. I usually come through difficult times with little trouble.	5. Обычно я справляюсь с проблемными ситуациями без лишних переживаний.
6. I tend to take a long time to get over set-backs in my life.	6. Мне нужно много времени, чтобы вернуться в форму после серьезных жизненных неудач.

Note: Items 1, 3, 5 are direct, 2, 4, 6 are reverse.

Факторная структура. Для оценки факторной структуры русскоязычной версии BRS была проведена серия конфирматорных факторных анализов (КФА) (рис. 1). Все модели были основаны на двух-факторной структуре оригинальной версии BRS, предполагающей выделение позитивного фактора с прямыми тестовыми пунктами и негативного фактора с обратными тестовыми пунктами. Модель 1, оценивающая факторную структуру BRS на общей выборке исследования, показала отличное соответствие данным (Satorra–Bentler $\chi^2(8) = 19,869$, $p = 0,011$; CFI = 0,992; RMSEA = 0,046 (90% CI от 0,021 до 0,072), SRMR = 0,027). Модель 2, оценивающая факторную структуру BRS на выборке студентов, продемонстрировала более низкое, но все же приемлемое соответствие данным (Satorra–Bentler $\chi^2(8) = 19,264$, $p = 0,014$; CFI = 0,968; RMSEA = 0,096 (90% CI от 0,041 до 0,151), SRMR = 0,058). Модель 3, оценивающая факторную структуру BRS на выборке многодетных

родителей (Satorra–Bentler $\chi^2(8) = 8,694$, $p = 0,369$; CFI = 0,999; RMSEA = 0,020 (90% CI от 0,000 до 0,082), SRMR = 0,027), и модель 4, оценивающая факторную структуру BRS на выборке родителей детей с инвалидностью (Satorra–Bentler $\chi^2(8) = 8,366$, $p = 0,399$; CFI = 0,999; RMSEA = 0,012 (90% CI от 0,000 до 0,068), SRMR = 0,025), также показали отличное соответствие данным. Факторные нагрузки пунктов BRS во всех моделях составили значения выше 0,4.

Надежность. Надежность русскоязычной версии BRS была рассчитана с помощью коэффициентов α -Кронбаха, значения которых соответствовали хорошим показателям внутренней согласованности, как для общей выборки исследования ($\alpha = 0,84$), так и для отдельных выборок (студенческая выборка: $\alpha = 0,83$; выборка многодетных родителей: $\alpha = 0,84$; выборка родителей детей с инвалидностью: $\alpha = 0,84$).

Валидность. Конвергентная валидность была установлена с помощью анализа корреляционных связей

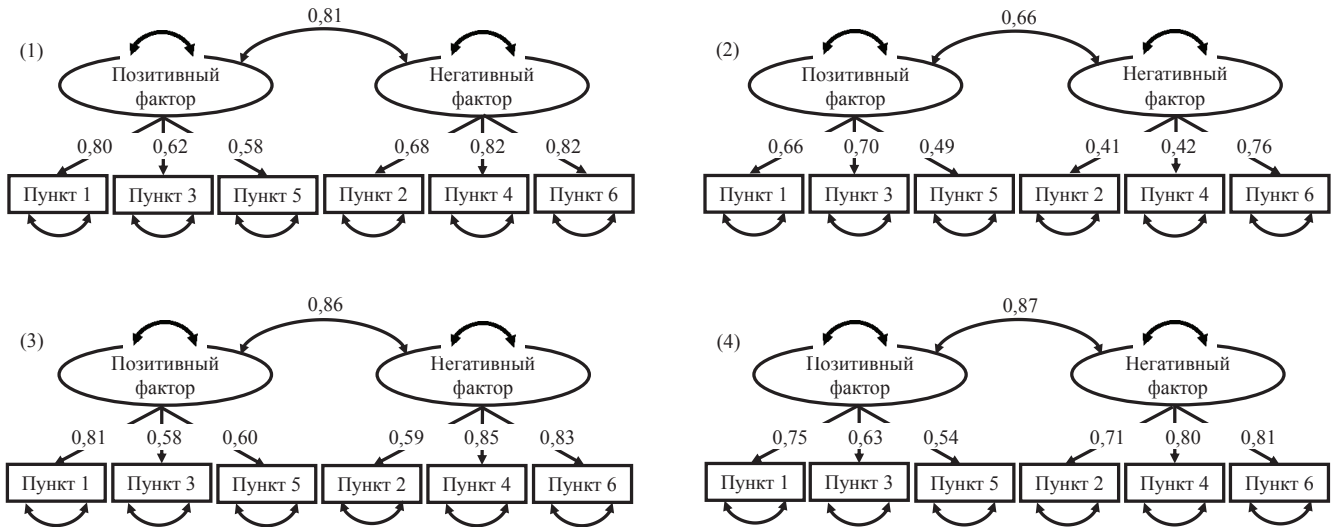

Рис. 1. Модели факторной структуры русскоязычной версии BRS

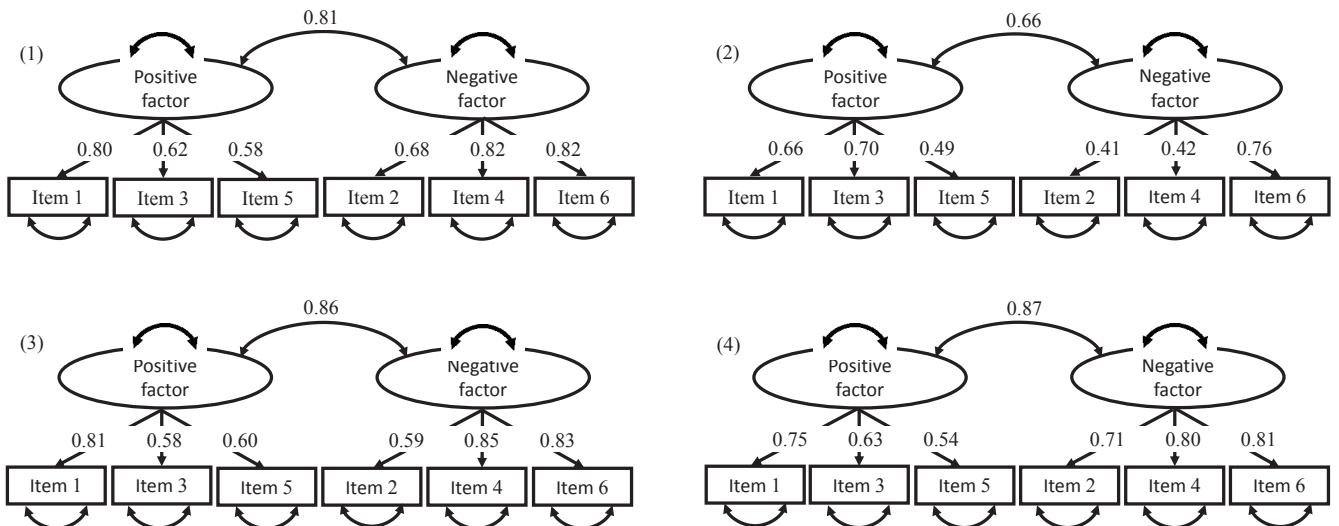

Fig. 1. Factor structure models of the Russian version of the BRS

между показателями по BRS и шкалами, оценивающими феноменологически схожие психологические конструкты. Так, резилентность оказалась позитивно связана с жизнестойкостью, оптимизмом, пессимизмом («обратная» шкала), диспозициональным оптимизмом, самоуважением, семейной сплоченностью, семейной адаптацией, редукацией родительских достижений, общей самооффективностью, субъективной витальностью и удовлетворенностью жизнью. В то же время резилентность негативно коррелировала с эмоциональным истощением, деперсонализацией, выгоранием и тормозящей экзаменационной тревожностью. Подробные сведения о данных корреляционных связях представлены в табл. 2.

Сравнительный анализ. Сравнительный анализ указал на статистически значимые различия по пока-

Таблица 2. Показатели конвергентной валидности русскоязычной версии BRS

Переменные	Выборка 1	Выборка 2	Выборка 3	Выборка 4
Жизнестойкость	0,41 ^a	0,61 ^a	0,49 ^a	0,60 ^a
Вовлеченность	0,30 ^b	0,55 ^a	0,42 ^a	0,55 ^a
Контроль	0,45 ^a	0,62 ^a	0,48 ^a	0,59 ^a
Принятие риска	0,42 ^a	0,49 ^a	0,46 ^a	0,48 ^a
Диспозициональный оптимизм	н/д	0,54 ^a	0,40 ^a	0,34 ^a
Оптимизм	0,33 ^a	0,54 ^a	0,37 ^a	0,30 ^a
Пессимизм	0,31 ^b	0,40 ^a	0,34 ^a	0,28 ^a
Самоуважение	0,46 ^a	0,47 ^a	0,15 ^c	0,40 ^a
Семейная сплоченность	0,26 ^b	н/д	н/д	н/д
Семейная адаптация	0,21 ^c	н/д	н/д	н/д
Родительское выгорание (PB)	н/д	-0,25 ^a	0,17 ^a	н/д
Эмоциональное истощение	н/д	-0,51 ^a	-0,36 ^a	н/д
Деперсонализация	н/д	-0,17 ^c	-0,13 ^c	н/д
Редукция родительских достижений	н/д	0,38 ^a	0,24 ^a	н/д
Полезная экзаменационная тревожность	н/д	н/д	н/д	0,26 ^a
Тормозящая экзаменационная тревожность	н/д	н/д	н/д	-0,33 ^a
Субъективная диспозиционная витальность (Vt-d)	н/д	н/д	0,35 ^a	0,37 ^a
Удовлетворенность жизнью	н/д	н/д	0,23 ^a	0,32 ^a
Общая самооффективность	н/д	0,50 ^a	0,46 ^a	0,45 ^a

Примечание: н/д=нет данных; ^a p < 0,001, ^b p < 0,01, ^c p < 0,05; выборка 1=родители, воспитывающие детей с инвалидностью; выборка 2=родители, воспитывающие детей с инвалидностью и молодых людей с инвалидностью; выборка 3=многодетные родители; выборка 4=студенты высших и средне-специальных учебных заведений.

Table 2. The convergent validity of the Russian version of the BRS

Variables	Sample 1	Sample 2	Sample 3	Sample 4
Hardiness	0.41 ^a	0.61 ^a	0.49 ^a	0.60 ^a
Commitment	0.30 ^b	0.55 ^a	0.42 ^a	0.55 ^a
Control	0.45 ^a	0.62 ^a	0.48 ^a	0.59 ^a
Challenge	0.42 ^a	0.49 ^a	0.46 ^a	0.48 ^a
Dispositional optimism (Life orientation)	n/a	0.54 ^a	0.40 ^a	0.34 ^a
Optimism	0.33 ^a	0.54 ^a	0.37 ^a	0.30 ^a
Pessimism	0.31 ^b	0.40 ^a	0.34 ^a	0.28 ^a
Self-esteem	0.46 ^a	0.47 ^a	0.15 ^c	0.40 ^a
Family cohesion	0.26 ^b	n/a	n/a	n/a
Family adaptability	0.21 ^c	n/a	n/a	n/a
Parental burnout (PB)	n/a	-0.25 ^a	0.17 ^a	n/a
Emotional exhaustion	n/a	-0.51 ^a	-0.36 ^a	n/a
Depersonalization	n/a	-0.17 ^c	-0.13 ^c	n/a
Reduced parental accomplishments	n/a	0.38 ^a	0.24 ^a	n/a
Facilitating anxiety	n/a	n/a	n/a	0.26 ^a
Debilitating anxiety	n/a	n/a	n/a	-0.33 ^a
Subjective vitality (Vt-d)	n/a	n/a	0.35 ^a	0.37 ^a
Satisfaction with life	n/a	n/a	0.23 ^a	0.32 ^a
General self-efficacy	n/a	0.50 ^a	0.46 ^a	0.45 ^a

Note: n/a = not available; ^a p < 0,001, ^b p < 0,01, ^c p < 0,05; sample 1 = parents raising children with disabilities; sample 2 = parents of children with disabilities and young people with disabilities; sample 3 = parents with many children; sample 4 = university and college students.

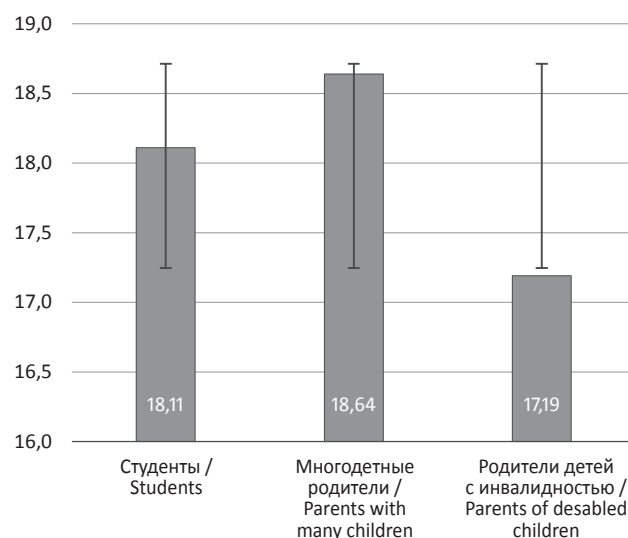

Рис. 2. Показатели резилентности у студентов, многодетных родителей и родителей детей с инвалидностью

Fig. 2. Resilience in students, parents having many children, and parents of children with disabilities

зателям резилентности среди студентов, многодетных родителей и родителей детей с инвалидностью ($F(2, 693) = 5,691, p = 0,004, \eta = 0,02$). У родителей детей с инвалидностью была обнаружена более низкая резилентность по сравнению с многодетными родителями ($t = 3,39, p = 0,001, d = 0,29$). При этом между студентами и многодетными родителями ($t = 1,02, p = 0,306, d = 0,11$), а также между студентами и родителями детей с инвалидностью ($t = 1,80, p = 0,073, d = 0,17$) не были выявлены статистически значимые различия по показателям BRS (рис. 2).

Обсуждение результатов

Основным результатом настоящего исследования стала адаптация русскоязычной версии BRS, позволившая сделать несколько выводов о психометрических свойствах шкалы. Во-первых, с помощью серии конфирматорных факторных анализов была подтверждена двухфакторная структура BRS, содержащая прямые и обратные тестовые пункты, что соответствует результатам адаптации других версий шкалы и подтверждает факторную валидность русскоязычного инструмента (Fung, 2020). Во-вторых, адаптированная шкала продемонстрировала хорошие показатели внутренней согласованности (коэффициенты α -Кронбаха составили значения выше 0,8 на всех выборках исследования), что свидетельствует в пользу внутренней надежности русскоязычной версии BRS (Taber, 2018). В-третьих, корреляционные связи между показателями резилентности и феноменологически схожими конструктами (в частности, жизнестойкости, диспозиционального оптимизма, самоуважения, общей самоофективности, субъективной диспозиционной витальности, удовлетворенности жизнью и др.) соответствуют закономерностям, обнаруженным в ранних психометрических исследованиях, и подтверждают конвергентную валидность адаптированной шкалы (Fung, 2020; Rodríguez-Rey et al., 2018; Smith et al., 2008).

Сравнительный анализ по показателям BRS указал на то, что родители детей с инвалидностью имеют более низкую резилентность, чем многодетные родители, хотя и статистически не отличающуюся от аналогичных показателей у студентов высших и средне-специальных заведений. Эти данные подтверждают тот факт, что родители детей с инвалидностью испытывают большие стрессовые нагрузки, поскольку

вынуждены многое изменить в привычном им образе жизни, они часто выражают чувства разочарования и неудовлетворенности (Heiman, 2002), и требуют дальнейшего осмысления проблемы с разработкой практических рекомендаций, так как резилентность родителей тесно связана с качеством жизни детей с инвалидностью, а также материальным и социально-эмоциональным благополучием семьи (Widyawat et al., 2020).

Настоящее исследование имеет, как минимум, два существенных ограничения, которые могут стать перспективами для будущих психометрических испытаний русскоязычной версии BRS и эмпирических исследований резилентности в России.

Первое ограничение касается того, что в проведенном исследовании приняли участие преимущественно женщины, что не позволяет нам судить о гендерной специфике резилентности у русскоязычных респондентов. При этом зарубежные исследователи отмечают, что у мужчин более высокие показатели резилентности, чем у женщин, однако эти тенденции становятся статистически незначимыми при поправке на тип перенесенного травматического переживания (Portnoy et al., 2018).

Второе ограничение заключается в невозможности стандартизации и генерализации данных по русскоязычной версии BRS, поскольку студенты, многодетные родители и родители детей с инвалидностью относятся скорее к специфическим, чем к популяционным выборкам исследования. В связи с этим перспективой дальнейшей психометрической работы над адаптированной шкалой является ее валидизация и стандартизация в популяционных условиях.

Выводы

1. Русскоязычная версия BRS надежна, валидна и может быть рекомендована к использованию для диагностики резилентности у русскоязычных респондентов.
2. Родители детей с инвалидностью сообщают о более низкой резилентности, чем многодетные родители, но при этом статистически не отличаются от студентов высших и средне-специальных заведений по показателям русскоязычной версии BRS.
3. Адаптированная шкала нуждается в дальнейших психометрических испытаниях для ее валидизации и стандартизации в популяционных условиях.

Литература:

- Аббатов В.А., Перре М. Адаптация к стрессу. Основы теории, диагностики, терапии. СПб.: Речь, 2004.
- Александрова Л.А. Субъективная витальность как предмет исследования // Психология. Журнал Высшей школы экономики. 2014. Т. 11, № 1. С. 133–163.
- Гордеева Т.О., Сычев О.А., Осин Е.Н. Разработка русскоязычной версии теста диспозиционного оптимизма (LOT) // Психологическая диагностика. 2010. № 2. С. 36–64.
- Ефимова И.Н. Возможности исследования родительского «выгорания» // Вестник МГОУ. Серия: Психологические науки. 2013. № 4. С. 31–40.

- Кондаков И.М. Психология. Иллюстрированный словарь / И.М. Кондаков. СПб.; М.: Прайм-ЕВРОЗНАК, 2003.
- Лубовский Д.В. Применение опросника самоуважения М. Розенберга // Психологическая диагностика. 2006. № 1. С. 71–75.
- Маркова В.И. Апробация краткой шкалы резильентности на русскоязычной выборке // Выпускная квалификационная работа. Москва: Московский государственный психолого-педагогический университет. 2020.
- Осин Е.Н., Леонтьев Д.А. Краткие русскоязычные шкалы диагностики субъективного благополучия: психометрические характеристики и сравнительный анализ // Мониторинг общественного мнения: Экономические и социальные перемены. 2020. № 1. С. 117–142. doi: 10.14515/monitoring.2020.1.06
- Осин Е.Н., Рассказова Е.И. Краткая версия теста жизнестойкости: психометрические характеристики и применение в организационном контексте // Вестник Московского университета. Серия 14. Психология. 2013. № 2. С. 147–165.
- Селиванова О.А., Быстрова Н.В., Дереча И.И., Мамонтова Т.С., Панфилова О.В. Изучение феномена резильентности: проблемы и перспективы // Мир науки. Педагогика и психология. 2020. Т. 8, № 3.
- Шварцер Р., Ерусалем М., Ромек В. Русская версия шкалы общей самооффективности Р. Шварцера и М. Ерусалема // Иностранная психология. 1996. № 7. С. 71–76.
- Coelho, G.L.H., Cavalcanti, T.M., Rezende, A.T., & Gouveia, V.V. (2016). Brief Resilience Scale: testing its factorial structure and invariance in Brazil. *Universitas Psychologica*, 15 (2), 397–408. doi: 10.11144/Javeriana.upsyl5-2.brst
- Chmitorz, A., Wenzel, M., Stieglitz, R.-D., Kunzler, A., Bagusat, C., Helmreich, I., Gerlicher, A., Kampa, M., Kubiak, T., Kalisch, R., Lieb, K., & Tüscher, O. (2018). Population-based validation of a German version of the Brief Resilience Scale. *PLoS ONE*, 13(2), e0192761. doi: 10.1371/journal.pone.0192761
- Fung, S.-F. (2020). Validity of the Brief Resilience Scale and Brief Resilient Coping Scale in Chinese sample. *International Journal of Environmental Research and Public Health*, 17 (4), 1265. doi: 10.3390/ijerph17041265
- Heathcote, K., Wullschleger, M., & Sun, J. (2019). The effectiveness of multi-dimensional resilience rehabilitation programs after traumatic physical injuries: a systematic review and meta-analysis. *Disability and Rehabilitation*, 41 (24), 2865–2880. doi: 10.1080/09638288.2018.1479780
- Heiman, T. (2002). Parents of children with disabilities: resilience, coping, and future expectations. *Journal of Developmental and Physical Disabilities*, 14, 159–171. doi: 10.1023/A:1015219514621
- Hidalgo-Rasmussen, C.A., Chávez-Flores, Y.V., Rojas, M.J., & Vilugrón, F. (2021). Cross-cultural adaptation and validation to Chilean youth people of Brief Resilience Scale (BRS). *Anales de Psicología*, 37 (2), 243–252. doi: 10.6018/analesps.412931
- Jacobs, I., & Horsch, A. (2019). Psychometric properties of the French Brief Resilience Scale. *European Journal of Health Psychology*, 26 (1), 1–9. doi: 10.1027/2512-8442/a000022
- Kunzler, A.M., Chmitorz, A., Bagusat, C., Kaluza, A.J., Hoffmann, I., Schäfer, M., Quiring, O., Rigotti, T., Kalisch, R., Tüscher, O., G Franke, A.G., van Dick, R., Lieb, K. (2018). Construct validity and population-based norms of the German Brief Resilience Scale (BRS). *European Journal of Health Psychology*, 25 (3), 107–117. doi: 10.1027/2512-8442/a000016
- Lai, J.C.L., & Yue, X. (2014). Using the Brief Resilience Scale to assess Chinese people's ability to bounce back from stress. *SAGE Open*, 1–9. doi: 10.1177/2158244014554386
- Li, Z.-S., & Hasson, F. (2020). Resilience, stress, and psychological well-being in nursing students: a systematic review. *Nurse Education Today*, 90, 104440. doi: 10.1016/j.nedt.2020.104440
- Mejia-Lancheros, C., Woodhall-Melnik, J., Wang, R., Hwang, S.W., Stergiopoulos, V., & Durbin, A. (2021). Associations of resilience with quality of life levels in adults experiencing homelessness and mental illness: a longitudinal study. *Health and Quality of Life Outcomes*, 19, 74. doi: 10.1186/s12955-021-01713-z
- Portnoy, G.A., Relyea, M.R., Decker, S., Shamaskin-Garroway, A., Driscoll, M., Brandt, C.A., & Haskell, S.G. (2018). Understanding gender differences in resilience among veterans: trauma history and social ecology. *Journal of Traumatic Stress*, 31 (6), 845–855. <https://doi.org/10.1002/jts.22341>
- Rodríguez-Rey, R., Alonso-Tapia, J., & Garrido-Hernansaiz, H. (2016). Reliability and validity of the Brief Resilience Scale (BRS) Spanish version. *Psychological Assessment*, 28 (5), 101–110. doi: 10.1037/pas0000191
- Sánchez-Teruel, D., Robles-Bello, M.A., Muela-Martínez, J.A., & García-León, A. (2021). Resilience Assessment Scale for the prediction of suicide reattempt in clinical population. *Frontiers in Psychology*, 12, 673088. doi: 10.3389/fpsyg.2021.673088
- Seiler, A., & Jenewein, J. (2019). Resilience in cancer patients. *Frontiers in Psychiatry*, 10, 208. doi: 10.3389/fpsyg.2019.00208
- Smith, B.W., Dalen, J., Wiggins, K., Tooley, E., Christopher, P., & Bernard, J. (2008). The Brief Resilience Scale: assessing the ability to bounce back. *International Journal of Behavioral Medicine*, 15, 194–200. doi: 10.1080/10705500802222972
- Soer, R., Six Dijkstra, M.W.M.C., Bieleman, H.J., Stewart, R.E., Reneman, M.F., Oosterveld, F.G.J., & Schreurs, K.M.G. (2019). Measurement properties and implication of the Brief Resilience Scale in healthy workers. *Journal of Occupational Health*, 61, 242–250. doi: 10.1002/1348-9585.12041
- Taber, K.S. (2018). The use of Cronbach's alpha when developing and reporting research instruments in science education. *Research in Science Education*, 48, 1273–1296. doi: 10.1007/s11165-016-9602-2
- Werner, E.E., & Smith, R.S. (1982). *Vulnerable but invincible*. New York: McGraw-Hill.
- Widyawatia, Y., Ottena, R., Kleemansa, T., & Scholtea, R.H.J. (2020). Parental resilience and the quality of life of children with developmental disabilities in Indonesia. *International Journal of Disability, Development and Education*, 1–17. doi: 10.1080/1034912X.2020.1834078
- Windle, G., Bennett, K.M. & Noyes, J. (2011). A methodological review of resilience measurement scales. *Health and Quality of Life Outcomes*, 9, 8. doi: 10.1186/1477-7525-9-8
- Wu, Y., Sang, Z., Zhang, X.-C., & Margraf, J. (2020). The relationship between resilience and mental health in Chinese college students: a longitudinal cross-lagged analysis. *Frontiers in Psychology*, 11, 108. doi: 10.3389/fpsyg.2020.00108

References:

- Ababkov, V.A., Perre, M. (2004). Adjustment to stress. Basic theories, diagnostics and therapy. St. Petersburg: Rech', 2004. (In Russ.).
- Aleksandrova, L.A. (2014). Subjective Vitality as a Research Object. *Psikhologiya. Zhurnal Vysshei shkoly ekonomiki (Psychology Journal of the Higher School of Economic)*. T. 11, (1), 133–163. (In Russ.).
- Chmitorz, A., Wenzel, M., Stieglitz, R.-D., Kunzler, A., Bagusat, C., Helmreich, I., Gerlicher, A., Kampa, M., Kubiak, T., Kalisch, R., Lieb, K., & Tüscher, O. (2018). Population-based validation of a German version of the Brief Resilience Scale. *PLoS ONE*, 13 (2), e0192761. doi: 10.1371/journal.pone.0192761
- Coelho, G.L.H., Cavalcanti, T.M., Rezende, A.T., & Gouveia, V.V. (2016). Brief Resilience Scale: testing its factorial structure and invariance in Brazil. *Universitas Psychologica*, 15 (2), 397–408. doi: 10.11144/Javeriana.upsyl5-2.brst
- Efimova, I.N. (2013). Vozmozhnosti issledovaniya roditel'skogo «vygoraniya». *Vestnik MGOU. Seriya: Psikhologicheskie nauki (Bulletin of the Moscow Region State University. Series: Psychological Sciences)*, (4), 31–40. (In Russ.).
- Fung, S.-F. (2020). Validity of the Brief Resilience Scale and Brief Resilient Coping Scale in Chinese sample. *International Journal of Environmental Research and Public Health*, 17 (4), 1265. doi: 10.3390/ijerph17041265
- Gordeeva, T.O., Sychev, O.A., (2010). Osin, E.N. Development of the Russian version of the dispositional optimism test. *Psikhologicheskaya diagnostika (Psychological diagnostics)*, (2), 36–64. (In Russ.).
- Heathcote, K., Wullschlegler, M., & Sun, J. (2019). The effectiveness of multi-dimensional resilience rehabilitation programs after traumatic physical injuries: a systematic review and meta-analysis. *Disability and Rehabilitation*, 41 (24), 2865–2880. doi: 10.1080/09638288.2018.1479780
- Heiman, T. (2002). Parents of children with disabilities: resilience, coping, and future expectations. *Journal of Developmental and Physical Disabilities*, 14, 159–171. doi: 10.1023/A:1015219514621
- Hidalgo-Rasmussen, C.A., Chávez-Flores, Y.V., Rojas, M.J., & Vilugrón, F. (2021). Cross-cultural adaptation and validation to Chilean youth people of Brief Resilience Scale (BRS). *Anales de Psicología*, 37 (2), 243–252. doi: 10.6018/analesps.412931
- Jacobs, I., & Horsch, A. (2019). Psychometric properties of the French Brief Resilience Scale. *European Journal of Health Psychology*, 26 (1), 1–9. doi: 10.1027/2512-8442/a000022
- Kondakov, I.M. (2003). Psychology. Illustrated Dictionary: More than 600 illustrations and 1700 articles / I.M. Kondakov. St. Petersburg: M.: Praim-Evroznak. (In Russ.).
- Kunzler, A.M., Chmitorz, A., Bagusat, C., Kaluza, A.J., Hoffmann, I., Schäfer, M., Quiring, O., Rigotti, T., Kalisch, R., Tüscher, O., G Franke, A.G., van Dick, R., Lieb, K. (2018). Construct validity and population-based norms of the German Brief Resilience Scale (BRS). *European Journal of Health Psychology*, 25 (3), 107–117. doi: 10.1027/2512-8442/a000016
- Lai, J.C.L., & Yue, X. (2014). Using the Brief Resilience Scale to assess Chinese people's ability to bounce back from stress. *SAGE Open*, 1–9. doi: 10.1177/2158244014554386
- Li, Z.-S., & Hasson, F. (2020). Resilience, stress, and psychological well-being in nursing students: a systematic review. *Nurse Education Today*, 90, 104440. doi: 10.1016/j.nedt.2020.104440
- Lubovskii, D.V. (2006). Application of the M. Rosenberg Self-esteem questionnaire. *Psikhologicheskaya diagnostika (Psychological diagnostics)*, (1), 71–75. (In Russ.).
- Markova, V.I. (2020). Approbation of the Brief Resilience Scale in the Russian-speaking sample: The graduation (bachelor) qualification work. Moscow: *Moscow State University of Psychology & Education*. (In Russ.).
- Mejia-Lancheros, C., Woodhall-Melnik, J., Wang, R., Hwang, S.W., Stergiopoulos, V., & Durbin, A. (2021). Associations of resilience with quality of life levels in adults experiencing homelessness and mental illness: a longitudinal study. *Health and Quality of Life Outcomes*, 19, 74. doi: 10.1186/s12955-021-01713-z
- Osin, E.N., Leont'ev, D.A. (2020). Brief Russian-Language Instruments to Measure Subjective Well-Being: Psychometric Properties and Comparative Analysis. *Monitoring obshchestvennogo mneniya: ekonomicheskie i sotsial'nye peremeny (Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes)*, (1), 117–142. doi: 10.14515/monitoring.2020.1.06 (In Russ.).
- Osin, E.N., Rasskazova, E.I. (2013). Kratkaya versiya testa zhiznestoykosti: psikhometricheskie kharakteristiki i primeneniye v organizatsionnom kontekste [Short version of the hardiness test: psychometric properties and use in an organizational context]. *Vestnik Moskovskogo Universiteta. Seriya 14. Psikhologiya*, (2), 147–165. (In Russ.).
- Portnoy, G.A., Relyea, M.R., Decker, S., Shamaskin-Garroway, A., Driscoll, M., Brandt, C.A., & Haskell, S.G. (2018). Understanding gender differences in resilience among veterans: trauma history and social ecology. *Journal of Traumatic Stress*, 31 (6), 845–855. <https://doi.org/10.1002/jts.22341>
- Rodríguez-Rey, R., Alonso-Tapia, J., & Garrido-Hernansaiz, H. (2016). Reliability and validity of the Brief Resilience Scale (BRS) Spanish version. *Psychological Assessment*, 28 (5), 101–110. doi: 10.1037/pas0000191
- Sánchez-Teruel, D., Robles-Bello, M.A., Muela-Martínez, J.A., & García-León, A. (2021). Resilience Assessment Scale for the prediction of suicide reattempt in clinical population. *Frontiers in Psychology*, 12, 673088. doi: 10.3389/fpsyg.2021.673088
- Seiler, A., & Jenewein, J. (2019). Resilience in cancer patients. *Frontiers in Psychiatry*, 10, 208. doi: 10.3389/fpsyg.2019.00208
- Selivanova, O.A., Bystrova, N.V., Derecha, I.I., Mamontova, T.S., Panfilova, O.V. (2020). Studying the Phenomenon of Resilience: Problems and Prospects. *Mir nauki. Pedagogika i psikhologiya (The world of science. Pedagogy and psychology)*. T. 8, (3). (In Russ.).
- Shvartser, R., Erusalem, M., Romek V. (1996). Russian version of the scale of general self-efficacy by R. Schwarzer and M. Jerusalem. *Inostrannaya psikhologiya (Foreign psychology)*, (7), 71–76. (In Russ.).
- Smith, B.W., Dalen, J., Wiggins, K., Tooley, E., Christopher, P., & Bernard, J. (2008). The Brief Resilience Scale: assessing the ability to bounce back. *International Journal of Behavioral Medicine*, 15, 194–200. doi: 10.1080/10705500802222972
- Soer, R., Six Dijkstra, M.W.M.C., Bieleman, H.J., Stewart, R.E., Reneman, M.F., Oosterveld, F.G.J., & Schreurs, K.M.G. (2019). Measurement properties and implication of the Brief Resilience Scale in healthy workers. *Journal of Occupational Health*, 61, 242–250. doi: 10.1002/1348-9585.12041

Taber, K.S. (2018). The use of Cronbach's alpha when developing and reporting research instruments in science education. *Research in Science Education*, 48, 1273–1296. doi: 10.1007/s11165-016-9602-2

Werner, E.E., & Smith, R.S. (1982). *Vulnerable but invincible*. New York: McGraw-Hill.

Widyawatia, Y., Ottena, R., Kleemansa, T., & Scholtea, R.H.J. (2020). Parental resilience and the quality of life of children with developmental disabilities in Indonesia. *International Journal of Disability, Development and Education*, 1–17. doi: 10.1080/1034912X.2020.1834078

Windle, G., Bennett, K.M. & Noyes, J. (2011). A methodological review of resilience measurement scales. *Health and Quality of Life Outcomes*, 9, 8. doi: 10.1186/1477-7525-9-8

Wu, Y., Sang, Z., Zhang, X.-C., & Margraf, J. (2020). The relationship between resilience and mental health in Chinese college students: a longitudinal cross-lagged analysis. *Frontiers in Psychology*, 11, 108. doi: 10.3389/fpsyg.2020.00108

Статья получена 28.12.21;
отредактирована 06.02.2022;
принята 28.01.22

Received 28.12.21;
revised 06.02.2022;
accepted 28.01.22

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ / ABOUT AUTHORES

Маркова Виктория Ивановна — магистрант Департамента психологии Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики», marvik.voice@mail.ru, <http://orcid.org/0000-0001-6612-0556>

Victoria I. Markova — master student of the Department of Psychology National Research University Higher School of Economics, marvik.voice@mail.ru, <http://orcid.org/0000-0001-6612-0556>

Александрова Лада Анатольевна — кандидат психологических наук, доцент кафедры психологии и педагогики дистанционного обучения Московского государственного психолого-педагогического университета, ladaleksandrova@mail.ru, <http://orcid.org/0000-0003-3539-8058>

Lada A. Aleksandrova — PhD in psychology, Associate Professor at the Department of Psychology and Pedagogy of Distance Learning, Moscow State University of Psychology and Education, ladaleksandrova@mail.ru, <http://orcid.org/0000-0003-3539-8058>

Золотарева Алена Анатольевна — кандидат психологических наук, старший преподаватель, старший научный сотрудник Департамента психологии, Международной лаборатории позитивной психологии личности и мотивации Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики», azolotareva@hse.ru, <http://orcid.org/0000-0002-5724-2882>

Alena A. Zolotareva — PhD in Psychology, Senior Lecturer, Senior Researcher at the Department of Psychology, International Laboratory for Positive Psychology of Personality and Motivation, National Research University Higher School of Economics, azolotareva@hse.ru, <http://orcid.org/0000-0002-5724-2882>

Приложение

Русскоязычная версия BRS

Инструкция. Пожалуйста, укажите, в какой степени Вы согласны с каждым из предложенных утверждений, используя следующую шкалу ответов: 1 = «категорически не согласен», 2 = «не согласен», 3 = «отношусь нейтрально», 4 = «согласен», 5 = «полностью согласен».

1. Я довольно быстро прихожу в себя после неудач и жизненных трудностей.	1	2	3	4	5
2. Я тяжело переживаю стрессовые ситуации.	1	2	3	4	5
3. Мне не нужно много времени, чтобы оправиться после стрессовой ситуации.	1	2	3	4	5
4. Я с трудом восстанавливаюсь, после того как случается что-то плохое.	1	2	3	4	5
5. Обычно я справляюсь с проблемными ситуациями без лишних переживаний.	1	2	3	4	5
6. Мне нужно много времени, чтобы вернуться в форму после серьезных жизненных неудач.	1	2	3	4	5

Обработка результатов. Для получения суммарного показателя резилентности необходимо сложить оценки респондента по прямым пунктам 1, 3, 5 по восходящей шкале (1 = «категорически не согласен», 2 = «не согласен», 3 = «отношусь нейтрально», 4 = «согласен», 5 = «полностью согласен») и по обратным пунктам 2, 4, 6 по нисходящей шкале (5 = «категорически не согласен», 4 = «не согласен», 3 = «отношусь нейтрально», 2 = «согласен», 1 = «полностью согласен»). Чем выше суммарный показатель, тем более выражена резилентность.